

Глава 209: Просмотр монолитов на рассвете

Во дворе было тихо, настроение было гнетущим. Первым, кто нарушил молчание, был Чэнь Чан Шэн.

Он вошел в хижину и увидел Танга Тридцать Шесть, который доедал остатки пропитанного чаем риса. По какой-то причине это разозлило его. В любое другое время он, наверное, ушел бы мыть посуду и вытер бы стол дважды, но сейчас он был не в настроении. Он сказал другим: «Я иду спать».

Сказав это, Чэнь развернулся и вошел в хижину, нашел одеяло, и накрыл им свое лицо.

Остальные, кто все еще был погружен в это сложное и меланхоличное настроение, были весьма удивлены, когда увидели, что он на самом деле пошел спать. Гуань Фэй Бай нахмурил брови и угрюмо сказал: «Он действительно хладнокровный парень».

Гоу Хань Ши покачал головой, показывая, чтобы он не говорил дальше.

Танг Тридцать Шесть усмехнулся. «Ты ублюдок, ты просто боевой маньяк. Как ты отличаешься от того старика под павильоном?»

Вдруг Чжэ Сю заговорил. «Быть немного хладнокровным лучше».

Все, кто был там, были поражены этими словами, что даже Танг Тридцать Шесть подумал, что это было немного притянuto за уши.

«Холодная кровь значит, что он менее вероятно получит жар или лихорадку, и еще менее вероятно, что сойдет с ума».

Чжэ Сю невыразительно объяснил себя, повернулся и вошел в избу. Он нашел одеяло, лег на кровать, и начал спать.

Танг Тридцать Шесть вдруг подумал о чем-то и вошел в хижину. «Эй, сколько тут одеял? Я надеюсь, что вы не использовали их все?»

Услышав это, Гуань Фэй Бай вскочил с порога и закричал в хижину: «Меня не волнует, сколько здесь пледов, но нам нужно как минимум два!»

На грани смерти Сюнь Мэй передал эту соломенную хижину этим молодым людям. Это было очень торжественным делом, как будто это было его величайшее наследство. В действительности хижина была очень сырой и разваленной. В ней было всего три комнаты: кухня, основная комната и внутренняя. Никто не мог оставаться на кухне, а две остальные были очень малы. Для того, чтобы семь людей жили в ней, там было довольно людно.

Чэнь Чан Шэн, Танг Тридцать Шесть и Чжэ Сю оставались в относительно лучше выглядящей внутренней комнате. В конце концов, они пришли первыми. И в то время, как Сюнь Мэй дал хижину всем молодым людям, он сделал это в основном из-за этих трех. Таким образом, кроме Гуань Фэй Бая, который упорно приложил все усилия, чтобы получить два одеяла, у четверых учеников из Секты Меча Горы Ли не было никаких возражений.

Сюнь Мэй оставил только три кисло-пахнущих одеяла. После того как два из них были отвоеваны, осталось только одно. К счастью, Чжэ Сю вырос в заснеженных равнинах и не нуждался в одеяле. Для нормальных людей весна была холодным сезоном. Но для него она

имела всю приятность раннего лета. Как ребенок настолько богатого происхождения, Танг Тридцать Шесть на самом деле взял меховую шкуру с собой. Поэтому, к счастью, Чэнь Чан Шэну не пришлось делиться своим одеялом.

Ночь становилась темнее, но глаза Чэнь Чан Шэна оставались открыты. Он не заснул.

Это было не из-за кислого запаха от одеяла, хотя это, конечно, было большой причиной.

Человек, который спал на этой кровати в течение тридцати семи лет, только что умер перед их глазами. Кто мог спать, зная это?

Как и он, было на самом деле много людей, которые не могли спать.

«Стоило ли оно этого?» - спросил Танг Тридцать Шесть, глядя на звезды ночного неба через окно с подавленным настроением.

Глаза Чжэ Сю были закрыты. Он не спал, но не стал отвечать. В мыслях по этому вопросу не было необходимости.

Чэнь Чан Шэн тоже не ответил, но, под одеялом, он схватил черный камень немного жестче. В прошлую ночь в Павильоне Нисходящего Тумана он понял некоторые вещи. Сегодня в Мавзолее Книг он столкнулся с некоторыми вещами. Все эти вещи пришли слишком резко, и их было слишком много, чтобы пятнадцатилетний юноша справился с ними. На самом деле, он был, вероятно, еще более разочарован, чем Танг Тридцать Шесть.

Глядя на звезды, он мог почувствовать ту отдаленную маленькую красную звезду, которая была его собственной. Он тихо подумал, что, если хотел изменить свою судьбу, то сначала должен был изменить судьбу всех людей, с которыми он связан, меняя их звезды. Но как он мог знать, какая из звезд соответствовала какому человеку? Сюнь Мэй... где его звезда? Между ними уже была связь, изменит ли что-то его смерть? Или можно сказать, что из-за его входа в Мавзолей Книг, судьба Сюнь Мэя изменилась? Чтобы изменить свою судьбу, действительно ли он должен был принести страдания и смерть тем, кто был рядом с ним?

Что, если звезда, на которую он повлияет, будет звездой его старшего товарища? Или Танга Тридцать Шесть? Или Ло Ло? Даже если это была Сюй Ю Жун, сможет ли он холодно смотреть, как меркнет ее звезда? Когда он думал о таких тривиальных вещах, Танг Тридцать Шесть внезапно встал, сбросил с себя меховую кожу, и начал раздувать себя передней частью своей рубашки.

«Что не так?» - спросил Чэнь.

«Немного жарко, - Танг Тридцать Шесть продолжил, - я действительно не знаю, как люди в моей семье подготовились к этому».

Чэнь Чан Шэн усмехнулся, но ничего не сказал.

Танг Тридцать Шесть внезапно повернулся к нему с серьезным лицом. «Чэнь Чан Шэн, я должен сказать тебе кое-что».

Озадаченный Чэнь спросил: «Что?»

Танг Тридцать Шесть был очень серьезным. «В будущем, что бы не происходило, я никогда не буду говорить 'спасибо' тебе, а ты никогда не говори 'пожалуйста' мне».

Чэнь Чан Шэн не ответил. Он знал, что Танг Тридцать Шесть был глубоко тронут последним разговором Сюнь Мэй и Ван По.

Глумящийся голос Гуань Фэй Бая пришел из другой комнаты, - «Как же так, что ты - тот, кто говорит 'спасибо', а он - тот, кто говорит 'пожалуйста'? Ты уже решил, что в будущем ты будешь Ван По, и что Чэнь Чан Шэн никогда не будет равен тебе. И будет играть роль подталкивания тебя вперед? Не забывай, он уже достиг Неземного Открытия. Ты все еще довольно далек от него!»

В этой серьезной обстановке, где два брата делились их связью, Танг Тридцать Шесть не смог избежать впадения в ярость от этих внезапных слов. Он закричал в ответ: «Ты заставляешь это звучать так, как будто ты намного сильнее меня!»

Гуань Фэй Бай ухмыльнулся. «Независимо от того, насколько я сильнее, я все еще сильнее».

Гоу Хань Ши сделал замечание. «Прекратите ссориться».

Чэнь Чан Шэн добавил: «Просто лягте пораньше спать».

Хижина наконец затихла. Однако, не долго после этого все услышали застенчивый голос Ци Цзянь.

«Второй старший брат, я... я.... думаю, что голоден».

Сначала была тишина, а потом округу накрыл смех.

Маленькое лицо Ци Цзянь покраснело.

Чэнь Чан Шэн увидел, что в то время, как глаза Чжэ Сю были закрыты, уголки его губ приподнялись.

После нескольких раундов споров и смеха их настроение немного успокоилось и они постепенно заснули.

Чэнь Чан Шэн все еще бодрствовал. Он спокойно смотрел в окно на ночное небо, наполненное звездами.

Сегодня Сюнь Мэй сказал, что многому научился у него и Чжэ Сю. На самом деле, Чэнь Чан Шэн тоже узнал много вещей.

Чжэ Сю сказал, что самое главное в жизни не жить, а жить осознанно или умирать осознанно. Для него самое главное в жизни было следовать своему сердцу. В старом храме в деревне Си Нин он изучал Свитки Пути со своим учителем. Дао, которое он практиковал, было не для убийства людей летающими мечами или вечной жизни без старения, а для следования его сердцу.

При попытке жить перед лицом смерти, единственное, что имело какой-то смысл, было то, что он уже был между жизнью и смертью, так что он должен был оставаться осознанным и следовать его сердцу.

Это было также потому, что он действительно столкнулся с жизнью и смертью за последние несколько лет, и он взял три слова 'следовать за своим сердцем' и культивировал их до невероятного уровня. Затем он отправился в поместье Божественного Генерала, чтобы

отменить помолвку, появился на Фестивале Плюща, и, наконец, получил первое место на Первом Баннере Великого Испытания. Однако, когда он, наконец, смог войти в Павильон Нисходящего Тумана и обнаружил эти секреты, он увидел надежду на жизнь впервые за много лет, но вместо этого его сердце было обеспокоено.

Его потеря интереса к культивации и его игра в туриста в первый день в Мавзолее Книг были потому, что его сердце было в беспорядке. К счастью, он услышал ответ Чжэ Сю и встретил Сюнь Мэя. Сюнь Мэю потребовалось тридцать семь лет, чтобы проснуться, в то время, как Чэнь использовал только одну ночь. Он не мог не признать, что был довольно удачлив.

Теперь, когда Чэнь Чан Шэн вернул свое спокойное настроение, он, естественно, вернулся к своей привычной жизни. Несмотря на тот факт, что много вещей случилось прошлой ночью, что как его тело, так и его душа были изношены, и он даже лег спать позже, чем обычно, он открыл глаза и проснулся рано в пять часов, когда небо все еще было темным.

Когда он проснулся, он не сразу встал, и потратил время пяти вдохов, чтобы успокоить свой ум. Затем он встал и надел обувь и одежду. Когда он хотел застелить постель, он понял, что там было еще два человека. Он увидел Танга Тридцать Шесть, который крепко держался за меховую кожу, свернувшись в клубок, как незащищенный ребенок. В противоположность этому, Чжэ Сю лежал на полу с прямой спиной, и, говоря прямо, он казался каменной статуей.

Чэнь Чан Шэн покачал головой и вышел к внешней комнате. Он увидел Гоу Хань Ши, Лян Бань Ху и Гуань Фэй Бая, которые были укутаны одним одеялом, в то время, как Ци Цзянь спал в углу под собственным одеялом. Чэнь Чан Шэн лишь покачал головой. Действительно, ученик наследия Главы Секты Горы Ли получал особое отношение.

Он вышел во двор и направился к соседнему ручью, используя воду, чтобы умыться и прополоскать рот. После этого он приготовил большой горшок рисовой каши, а также приготовил оставшиеся две трети соленой рыбы. Затем он подошел и открыл окно в попытку разбудить Танга Тридцать Шесть. Две руки Танга Тридцать Шесть сжались в кулаки, и он выплюнул несколько злобных ругательств, после чего игнорировал Чэня.

В третий раз после того, как он проснулся, Чэнь Чан Шэн покачал головой. Он беспомощно обернулся, чтобы обнаружить Чжэ Сю, которые сидел на корточках у опрокинутой ограды и чистил зубы. Чэнь не мог избежать удивления. Усмехнувшись, он сказал: «Я не ожидал этого».

Присев на землю, Чжэ Сю не поворачивал голову. Он сказал несколько приглушенным голосом: «Не ожидал, что такой волчонок, как я, любит быть чистым?»

Чэнь Чан Шэн подумал об этом и решил, что его способ мышления был неправильным. Оправдываясь, он ответил: «Это была моя ошибка».

Чжэ Сю выбросил ветку дерева, которой чистил зубы, которую он взял с ивы или другого дерева, а затем набрал немного воды в руке, чтобы умыть лицо. Наконец, он сказал: «Нет никакой ошибки. На заснеженных равнинах я редко умываюсь. Масло и жир помогают защитить меня от ветра. Но, по крайней мере, я чищу зубы два раза в день, и время от времени жую немного льда».

Чэнь был заинтригован. «Зачем ты делаешь это?»

Чжэ Сю ответил: «На заснеженных равнинах мясо иногда полностью промерзает. Иногда мне приходится есть мясо в сыром виде, а для этого требуется хороший набор зубов. Лишь таким образом мои зубы будут достаточно сильными, чтобы жевать его».

Чэнь Чан Шэн подумал немного и согласился. «Очень разумно».

Чжэ Сю добавил: «В различных племенах у стариков, которые жили дольше всех, чаще всего лучшие зубы».

Чэнь Чан Шэн заметил, что зубы Чжэ Сю действительно были очень белыми и здоровыми.

В паре с соленой рыбой, они выпили три миски рисового отвара, а затем покинули соломенную хижину. Прорезаясь через большой лес, полный апельсиновых деревьев, они направились к Мавзолею Книг.

Никто не говорил ничего по пути, так что атмосфера была очень тихой..

Когда они почти прибыли к главному пути Мавзолея, Чжэ Сю вдруг остановился. «Это немного странно», - сказал он.

Чэнь Чан Шэн уставился на него и спросил: «Что странно?»

«Я привык к одиночеству».

После момента раздумий Чэнь Чан Шэн ответил: «Тогда ты будь первым».

«Мне все еще нужно, чтобы ты вылечил мою болезнь, так что ты иди первым. Кроме чистки зубов, у снежных равнин есть еще одно правило: не оскорбляй своего доктора».

Чэнь Чан Шэн засмеялся. «Тебе не надо быть настолько вежливым в вещах такого рода».

Чжэ Сю не ответил, а вместо этого протянул сжатый кулак.

Чэнь Чан Шэн был весьма удивлен. «Не говори мне, что мы также должны бороться за это?»

Чжэ Сю спросил: «Ты знаешь, как играть в игру угадывания пальцев?» (прим.пер. «Угадывание пальцев» (猜拳, dúshùzi). Два человека вытягивают обе руки и показывают любое количество пальцев, одновременно выкрикивая число от 0 до 20 (неравное количеству вытянутых пальцев). Выигрывает тот, кто выкрикнул число равное количеству вытянутых пальцев на руках обоих игроков. Если угадавшего нет, проигрывают оба.)

«Я только знаю, как играть в камень-ножницы-бумага».

Чжэ Сю замолчал на некоторое время, а затем, наконец, сказал: «Я тоже знаю только эту игру».

Используя рваную тряпку, чтобы обернуть подобный камню кулак, Чэнь Чан Шэн смог получить победу и был первым, кто ушел. Следуя основным путем на север, иногда слыша порхание утренних птиц, Чэнь Чан Шэн вскоре прибыл к главным воротам Мавзолея Книг и пошел единственным путем, по которому можно было бы увидеть монолиты.

Все монолиты были на горе, поэтому, естественно, этот путь просмотра монолитов был горным путем. Однако, он не был крутым. На пути было высечено много каменных ступенек, что делало подъем очень легким.

Сейчас наступил настоящий рассвет. Утреннее солнце поднялось с восточного горизонта, освещая далекие здания в столице. Дворец Великого Блеска и Павильон Нисходящего Тумана были особенно заметными.

Холодноватый утренний ветер коснулся его щек, пока рассвет освещал его путь вперед. Когда он шел через тихие леса, слушая пение утренних птиц, и видел, как утреннее солнце превращается в цветущее лицо по ветвям деревьев, состояние ума Чэнь Чан Шэна было спокойным и радостным. Хотя он начал на день позже других, это не имело никакого значения.

Да, это была действительная трата его жизни.

Как он и упоминал Чжэ Сю, игра в шахматы и на цитре, живопись и каллиграфия, а также наслаждение пейзажами - все это пустая трата жизни.

Но насколько красивой была трата жизни подобным образом.

И насколько красивой была возможность иметь жизнь, которую можно было тратить таким образом.

В тихом и безлюдном горном лесу Чэнь Чан Шэн поднялся по ступенькам. Вскоре после этого он прибыл к монолиту. Он подошел к монолиту, но все, что он мог видеть, это следы, которые, казалось, были сделаны ножами и топорами, а не слова. Там также, похоже, не было никаких линий. Было совершенно очевидно, что кто-то уничтожил их. Он вспомнил указ, который издала Божественная Императрица в прошлом, и понял, что это был не тот монолит, который он пришел увидеть. Чэнь покачал головой и продолжил идти.

Он не шел слишком далеко, прежде чем увидел еще один монолит.

Это место было скалой, а перед скалой была хижина. Монолит стоял в центре этой хижины.

Карнизы хижины загибались со всех сторон. Даже если будет сильный шторм, этому монолиту будет очень трудно намокнуть.

Чэнь Чан Шэн подошел к передней части хижины и посмотрел на монолит, а его состояние ума слегка дрогнуло.

Форма этого монолита не была очень правильной. Даже его толщина не была однородной. По сравнению с обычными монолитами в мире, он казался еще больше похожим на незаконченный продукт.

Поверхность монолита была очень блестящей. Кто знал, как много рук касались ее?

Это был Небесный Фолиант-Монолит.

Первый монолит Мавзолея Книг.

Чэнь Чан Шэн удержался от взглядов на поверхность монолита, и вместо этого осмотрелся вокруг хижины.

Лес за пределами хижины действовал, как препятствие. Каменные ступени не продолжали дальше, заканчиваясь на каменном плато.

Через щели в лесу можно было заметить карнизы крыш на расстоянии. Возможно, это были другие монолитные хижины, но не было никакого пути, чтобы добраться до них.

Видя эту картину, Чэнь Чан Шэн потерялся в мыслях.

Утренний свет перетекал каменное плато, прохладный ветерок пробежал по деревьям, и два

зимородка щебетали, взлетев в небо.

Чэнь очнулся от своего оцепенения, а затем повернулся к монолиту в хижине. Он бессознательно поместил руки за спину и спокойно начал исследовать его.

Когда его взгляд пал на поверхность монолиты, он не смог сдержать учащение сердцебиения.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/56804>